

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2022-11-466-482>

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ *ОРЕЛЬЕНА ДЖИАНА*
HUSSERL ET L'HORIZON COMME PROBLÈME.
UNE CONTRIBUTION A L'HISTOIRE DE LA PHENOMENOLOGIE
Lille: Presses universitaires du Septentrion, 2021. ISBN-102757433296.

КИРИЛЛ ЯКОВЛЕВ

Студент бакалавриата.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

109028 Москва, Россия.

E-mail: kiyakovlev@edu.hse.ru

«Горизонт» — одно из ключевых понятий феноменологии, без которого едва ли возможно представить развитие этого течения. Орельен Джиан предлагает оригинальный взгляд на историю этого понятия. Обращаясь к самым фундаментальным задачам и проблемам феноменологии, Джиан пересматривает горизонт в свете таких тем как согласованность опыта, реальность мира и мотивация. Одним из достижений этого исследования стал вывод о том, что история горизонта в философии Гуссерля начинается не с «Идей I», а с лекционного курса «Вещь и пространство». Этот вывод имеет не только историческое значение, но также раскрывает в новом ключе связь между «горизонтом всех горизонтов», принципиальной незавершённой внешнему опыту и подвижностью внимания. Джиан не соглашается с Саулюсом Генюшасом в том, что феномены «ореол» и «задний план» противопоставляются в работах Гуссерля горизонту, относятся к области психического, а не онтологического синтеза, как горизонт. Ореол и задний план функционируют в качестве временно оставленных вниманием элементов опыта, связанных мотивационными взаимоотношениями с актуально данными. Сознание не осуществлённых потенциальностей опыта обеспечивает согласованность опыта, лишает переход от актуального к потенциальному разрывов. В нашей рецензии мы освещаем основные выводы этого исследования, а также ту часть работы Джиана, которая не попала в итоговый вариант книги. Вместе с тем мы помещаем исследовательский проект Джиана в контекст исследований горизонта и мотивации в философии Гуссерля, история которых насчитывает уже около полусотни лет.

Ключевые слова: горизонт, мотивация, ореол, стиль, герменевтическая феноменология, Эдмунд Гуссерль, Саулюс Генюшас.

© KIRILL YAKOVLEV, 2022

AURELIEN DJIAN

HUSSERL ET L'HORIZON COMME PROBLEME.
UNE CONTRIBUTION A L'HISTOIRE DE LA PHENOMENOLOGIE

Lille: Presses universitaires du Septentrion, 2021. ISBN-102757433296.

KIRILL YAKOVLEV

Undergraduate Student.

HSE University.

109028 Moscow, Russia.

E-mail: kiyakovlev@edu.hse.ru

In his book, Aurelien Djian investigates the history of the concept of horizon in the evolution of Husserl's thought. Addressing the most fundamental concerns of phenomenology, Djian redefines the horizon considering themes such as coherence of experience, the reality of the world, and motivation. He suggests an approach to exploring the horizon grounded in a detailed analysis of *Thing and Space* lectures. A significant conclusion of Djian's book is that the origin of the horizon should not be attributed to *Ideas I*, but to these lectures. This discovery is not only of historical significance, but also opens up a new perspective on relations between the world, the incompleteness of external experience, and the fluidity of attention. Djian denies Saulius Geniusas' interpretation of "halo" and "background" as psychological opposites of the horizon, which functions in the domain of ontology. These phenomena are given as elements of experience temporarily left by attention, connected with actual ones. The consciousness of unfulfilled potentialities of experience ensures the coherence of experience, making the transition from actual to potential seamless. This paper covers Djian's conclusions and part of his work that goes beyond the content of the book. We also try to contextualize Djian's research and show the history of studies of the horizon in the philosophy of Edmund Husserl.

Keywords: horizon, motivation, halo, style, hermeneutic phenomenology, Edmund Husserl, Saulius Geniusas.

Книга Орельена Джиана «Гуссерль и горизонт как проблема. Вклад в историю феноменологии» вышла в середине 2021 года. В ней исследователь, известный в основном по переводам Кассирера и Райнаха, предлагает свой взгляд на развитие одного из ключевых понятий в философии Эдмунда Гуссерля. Джиан ставит перед собой несколько задач, каждую из которых можно назвать амбициозной — во-первых, проследить генеалогию понятия «горизонт» в работах Гуссерля, во-вторых, показать общую связь между горизонтом и специфически гуссерлевским, отличным от других феноменологических проектов, пониманием того, что представляет собой феномен. Решая эти задачи, Джиан отходит от проторенных путей в истории феноменологии и предлагает ряд оригинальных подходов к изучению наследия Гуссерля.

Так, вопреки распространённой среди многих исследователей тенденции (Smith & McIntyre, 1982, 233; Welton, 1983, 200; Geniusas, 2012, 11, 26–29, 37–38;

Kuhn, 2013, 106), Джиан предлагает возводить генеалогию горизонта не к «Идеям I», а к лекционному курсу «Вещь и пространство».

Книга Джиана основывается на его переработанной и сокращённой диссертации 2017 года. В нее не попал важный раздел диссертации, посвящённый рецепции понятия горизонта в философии Хайдеггера и некоторых его последователей. В этом разделе диссертации (а также в совместной с Клаудио Майолино статье 2018 года) Джиан предлагает использовать особую исследовательскую призму для изучения той «ветви» феноменологии, которую он называет «герменевтической феноменологией». Для этой «ветви» характерно особое, отличное от того, что предложил Гуссерль, понимание того, что такое «феномен» и сама «феноменология». Начало этой тенденции он видит в работах Хайдеггера «феноменологической декады». В частности, в седьмом параграфе «Бытия и времени» написано: «выражение “феноменология” означает прежде всего *методическое понятие*. Оно характеризует не содержательное что о предметах философского исследования, но их как к» (Heidegger, 2003, 27). Джиан понимает эту цитату таким образом, что феноменологию нельзя рассматривать как науку, которая определяется своей ограниченной предметной областью — феноменология не обращается к какому-то отдельному региону сущего, но задаётся более фундаментальным вопросом о бытии сущего (Djian, 2017, 26–27, 32–34). Конструируя искусственный регион чистых предметностей, феноменолог, искажает оригинальные формы данности (Djian, 2017, 59–63). Однако и в повседневной ситуации *Dasein* остаётся слеп к «как» являющегося, не может обнаружить сокрытый фундамент опыта (Djian, 2017, 68). Таким образом, герменевтическая феноменология, начиная с Хайдеггера, имеет дело не с феноменами в «обыденном»¹ понимании, которым располагает *Dasein* в повседневном обращении с вещами, но её «предметом» следует считать «феномен *par excellence*», который характеризуется тем, что «он исключительно сокрыт, структурно невидим для “обыденного” (*vulgar*) взгляда именно потому, что он сущностно принадлежит тому, что являет себя обыденным образом»² (Djian & Majolino, 2018, 51–54). Джиан видит обобщённую задачу «герменевтической феноменологии» в том, чтобы «позволить явить себя» тем особым, скрытым феноменам, которые фундируют феномены в обыденном смысле (Djian, 2017, 36). Эта тенденция к акценту на исключительных феноменах сохраняется, по

¹ «Расхожем» в переводе В. В. Библихина.

² “A ‘distinctive’ phenomenon has thus two features: (1) it is exceptionally concealed, structurally invisible to ‘vulgar’ sight, precisely because (2) it essentially belongs to what vulgarly shows itself and makes the object of a descriptive phenomenology” (Djian & Majolino, 2018, 52).

мнению Джиана, как в герменевтических проектах Гадамера и Рикёра, так и у философов, которых обычно рассматривают вне контекста герменевтики — Мерло-Понти, Левинаса, Деррида и Мариона (Djian & Majolino, 2018, 56–60). Феномены «*par excellence*» принимают у разных философов формы бытия, Другого, смысла, дара и других «сокрытых» или «ускользающих» феноменов. Джиан полагает³, что всю эту тенденцию стоит противопоставлять собственному проекту Гуссерля. То есть речь идёт не об исключительной черте французской феноменологии, но о черте, которая сближает, к примеру, феноменологов французского «теологического поворота» с Гадамером и Хайдеггером⁴.

Гуссерль, как показывает Джиан, имел совсем иное представление о феноменологии. Гуссерль считал, что у феноменологии есть собственное предметное поле (Djian & Majolino, 2018, 62), в которое входят все возможные феномены, прошедшие обработку редукцией и другими философскими методами. Если «герменевтическая феноменология» имеет дело лишь с *привилегированными* «как» (оригинальное, сокрытое, глубинное), феноменология Гуссерля обращается к любым феноменам. Если и возможно в феноменологии Гуссерля говорить об особых «как» (например, сокрытых от сознания в естественной установке), они могут рассматриваться в рамках схемы корреляции явления и являющегося наравне с любыми другими, не занимая никакого «привилегированного» положения. Философский проект Гуссерля может представить бесконечное многообразие явлений в качестве смысловых единств со своими формами данности.

³ В отличие, например, от Тенгели (Tengelyi, 2012).

⁴ Схожие мотивы мы находим и в предшествующей литературе. В книге 2013 года Анна Ямпольская пишет, что Хайдеггер не признаёт сознание как «регион абсолютной данности и самоданности» предметным полем феноменологии, считая его производным от предданного или даже догматического понятия феноменологии. Не предмет должен производиться методом, а метод должен соответствовать подлинному предмету философии (Yampolskaya, 2013, 37–38). Для Хайдеггера, пишет А. Ямпольская, феноменолог заранее имеет представление «о содержании и структуре» исследуемого, и задача состоит не в том, чтобы, отбрасывая всё предданное, оказаться в новом регионе, а в том, чтобы, отталкиваясь от предданного, обнаружить его сокрытое основание (Yampolskaya, 2013, 38–39). Для Хайдеггера сама идея поиска субъективного региона предметов, подобного научным регионам — это проявление многовековой рационалистической традиции рассматривать сознание как своего рода футляр субъекта (Yampolskaya, 2013, 40–45). Похожую тенденцию Анна Ямпольская находит и во французской феноменологии — Деррида и Левинас также обращаются к исследованию «глубоких», «невяляющихся» феноменов, которые не вписываются в логику субъективного конституирования опыта (Yampolskaya, 2013, 70–71).

Джиан возводит такое понимание феноменологии к прочитанным весной 1907 года лекциям «Идея феноменологии» которые предшествовали лекциям летнего семестра 1907 года «Вещь и пространство» (Djian, 2021, 26, 30–32, 33–36). В предисловии к «Идее феноменологии» Вальтер Бимель замечает, что лекции были плодом философского кризиса, который переживал Гуссерль в 1906 году. «Без того, чтобы в общих чертах привести к ясности смысл, существо, методы, основные вопросы критики разума, без того, чтобы продумать для нее некий общий эскиз, набросать, установить и обосновать, я не могу по-настоящему и по истине жить» (Biemel, 2018, 304–306) — писал Гуссерль в середине 1906 года в своём дневнике. Сами лекции с первых страниц открывают перед читателем вопрос, без решения которого невозможна никакая метафизика, вопрос «существа познания и возможности его исполнения» (Husserl, 2018, 165–166), связанный напрямую с «загадкой трансценденции» (Husserl, 2018, 218–220, 224–225, 234, 255–256, 300–301). Решить эту загадку призвана феноменология, ее Гуссерль именует наукой, которая, не принимая на веру трансцендентные предметы объективных наук, объясняет их исходя из существа чистых феноменов познания (Husserl, 2018, 165–166, 170–172).

Это понимание феноменологии будет в дальнейшем руководить исследованием понятия горизонта Джиана. «Идея феноменологии» выступает общим введением темы критики разума, в свете которой развивается ход лекций *Ding und Raum* (Вещь и пространство) 1907 года, которые во многом продолжают и уточняют «Идею феноменологии» в том, что касается корреляции между внешним восприятием и вещью (Djian, 2021, 17, 26–27, 30).

В первой части своей книги Джиан развивает свой тезис о том, что начало истории понятия «горизонт» стоит искать не в первом томе «Идей», где Гуссерль его эксплицитно вводит ⁵, но именно в этих лекциях. Джиан вступает в полемику с предыдущим крупным исследованием в этой теме, которое провёл Саулюс Генюшас в книге 2012 года *The Origins of the Horizon in Husserl's Phenomenology* («Истоки горизонта в феноменологии Гуссерля»). В ней Генюшас защищает точку зрения, согласно которой, несмотря на то, что проблематику, связанную с горизонтом можно найти ещё в «Логических исследованиях» (проблема дейктических речевых единиц и окказиональных выражений), гори-

⁵ Например, «...мир с его твердым бытийным порядком простирается в безграничное. Актуально воспринимаемое и все то, что более или менее ясно соприсутствует и что определено (или по меньшей мере насколько-то определено), — все это отчасти пронизано, отчасти же окружено неясно сознаваемым горизонтом неопределенной действительности» (Husserl, 2009, 52).

зонт можно считать философским завоеванием Гуссерля не раньше, чем с момента написания «Идей I». Генюшас обосновывает это тем, что именно в книге 1913 года Гуссерль проводит границу между терминами «горизонт» с одной стороны и «ореол», «задний план» с другой. До этого разделения, полагает Генюшас, Гуссерль использовал все эти термины как субституты джеймсовского “*fringe of consciousness*”, не прорабатывая самостоятельно их значение (Geniusas, 2012, 11, 26–29, 37–38, 47–48, 54).

В пользу позиции, с которой спорит Джиан, говорят слова самого Гуссерля из «Формальной и трансцендентальной логики»: «В *Логических исследованиях* мне ещё недоставало учения о горизонтной интенциональности, чью всеопределяющую роль впервые открыли *Идеи*. Поэтому я не мог справиться с окказиональными суждениями и их значениями» (перевод наш. — К. Я.)⁶. Джиан подходит к этой цитате в дерридианской манере внимательного чтения и подвергает сомнению то, что на основании этих слов действительно можно заключить о том, что происхождение горизонта относится именно к «Идеям I». В словах Гуссерля есть указание лишь на то, что *общая* роль горизонта была впервые проработана в *Идеях*, чего нельзя сказать о его локальной функции (*la fonction locale*), которая, как показывает Джиан, проясняется уже в курсе «Вещь и пространство» (Djian, 2021, 17, 58).

Путеводной нитью исторического исследования Джиана становятся понятия, которые Гуссерль употребляет в «Идеях I», «Картезианских медитациях» и других работах в контексте горизонтной структуры сознания. Речь идет о понятиях «не собственно данное явление»⁷ (*uneigentliche Erscheinung*) и «ореол» (*Hof*) (Djian, 2017, 242–244). Причём, Джиан обращает внимание не только на совпадение терминологии, но и на подобие интуиций, которые стоят за ними.

Анализ внешнего восприятия вещей показывает, что хотя вещь повернута к нам определенной стороной, той, которую мы актуально наблюдаем, вместе с видимой или осязаемой в настоящий момент стороной предмета нам соданы также скрытые другие его стороны. Это «со-данное» и есть «не собственно данное», которое присоединяется к собственно данному в процессе идентификации вещи. Идентификация объединяет множество восприятий в сознании одного объекта, и они играют роль разных сторон одной вещи. Узнавая пред-

⁶ „In den *Logischen Untersuchungen* fehlte mir noch die Lehre von der Horizontintentionalität, deren allbestimmende Rolle erst die *Ideen* herausgestellt haben. Darum konnte ich dort mit den okkasionellen Urteilen und ihrer Bedeutung nicht fertig werden“ (Husserl, 1974, 207).

⁷ Вслед за А. В. Михайловым мы переводим «uneigentliche» как «не собственно данное» (Husserl, 2009, 80).

мет по одной стороне, мы пассивно домысливаем ещё не данные сейчас, но уже известные из предшествующего опыта детали. В результате, вместе с видимой стороной сознание схватывает остальные (Husserl, 1973, 25–27). Или, если посмотреть в обратной последовательности, разные по содержанию визуальные данные сознаются как относящиеся к одному и тому же объекту. Причём, ни собственно данное, ни данное несобственно нельзя считать независимыми друг от друга и, в первую очередь, от являющегося объекта — сторона, в отличие от части⁸ не автономна по отношению к предмету, к которому относится (Husserl, 1973, 48–51). Основываясь на наблюдениях из «Вещи из пространства», Джиан пишет: «Множественность последовательных (собственно данных) данных восприятия (*données perceptives*) лежит в основании сознания вещи как одной и той же лишь благодаря тому, что каждое собственно данное явление подразумевает (*implique*) в то же время множественность не собственно данных явлений и потенциальностей этой вещи, которые в итоге либо реализуются, либо нет»⁹ (Djian, 2021, 70). Джиан показывает, что не собственно данное в феномене выступает оператором синтеза, который, в том числе, обеспечивает согласованность между разделённым во времени опытом собственно данного — благодаря тому, что субъект домысливает невидимые стороны, переход от невидимого к видимому в опыте согласовывается с «первым взглядом», когда видна была лишь одна сторона, но со-даны и все остальные (Djian, 2021, 77, 79).

Анализ «не собственно данного» позволяет Джиану выполнить минимальную задачу своего историко-философского предприятия — показать, что проблематика горизонта появляется уже в курсе «Вещь и пространство». Следующая часть книги, где проводится анализ «ореола», указывает на то, почему исток этой проблематики стоит искать именно в курсе «Вещь и пространство», а не в более ранних текстах. Джиан показывает, что сама тематика внешнего восприятия подталкивает Гуссерля к тому, чтобы изучить корреляцию между «ощущениями движения тела [*Leib*]» (кинестезами) и данными внешнего восприятия вещей (Djian, 2021, 84). К примеру, движению глаз соответствует какое-то изменение содержания восприятия — предмет становится виден несколько иначе, чем был (Djian, 2021, 86–88). Хотя это изменение не подчиняется

⁸ Гуссерль приводит в пример части ветки, которые вполне могут стать автономными от целой ветки предметами восприятия (Husserl, 1973, 49–50).

⁹ « La multiplicité des données perceptives successives (propres) ne fonde la conscience d'une chose comme la même que parce chaque apparition propre implique en même temps une multiplicité d'apparitions impropres et possibles de cette chose, qu'elles se remplissent finalement ou non » (Djian, 2021, 70).

каузальным законам в строгом смысле, оно некоторым образом упорядочено — оно лежит в рамках формальной и эмпирической типики, мотивации. Мы можем обнаружить, что переход от одной кинестезы к другой необходимо ведёт к тому, что один образ сменяется другим вне зависимости от того, об опыте какой вещи идёт речь. Резкий поворот головы направо вне зависимости от того, на что обращён мой взгляд, «сместит» предметы, которые я вижу, влево. Смене кинестез необходимо соответствует смена данных восприятия вещей, но эта необходимость не определяет состав опыта восприятия — мы не можем сказать, что такому-то повороту головы необходимо соответствует такое-то изменение в нашем поле зрения, мы только можем быть уверены в том, что какое-то изменение произойдёт и будет в той или иной степени подчиняться формальной типике (поворот направо смещает предметы влево). Вместе с тем, в опыте я привыкаю к разным предметам и обстоятельствам, благодаря чему чисто формальная корреляция между кинестезами и восприятиями становится материально (эмпирически) определённой — я знаю, что таким-то движениям моего тела и изменениям его положения будет соответствовать то, что я, к примеру, начну видеть здание изнутри, а не снаружи, причём, я даже приблизительно сознаю как может выглядеть это «изнутри» (Djian, 2021, 87–89). В этом контексте и появляется понятие ореола как мотивированных потенциальностей в структуре восприятия — сознания того, что, к примеру, если я пройду вперёд, я увижу скрытый до этого угол дома (Djian, 2021, 90–91)¹⁰. Именно благодаря такому сознанию потенциальных явлений одной и той же вещи субъект может не только идентифицировать некую вещь, но ре-идентифицировать её же в сменяющемся опыте как реализации того, что раньше было только возможно. Джиану важно показать, что опыт исключительно первичной идентификации стоит считать необходимым, но не достаточным условием синтеза, в котором конституируется единство вещи и актуального согласованного опыта (Djian, 2021, 95–96). Аналогично с тем, как домысленная не собственно данная сторона предмета становится условием согласованного синтеза вещи в смене восприятий, ореол обеспечивает более широкую согласованность опыта, напрямую связанную с сознанием «реальности» мира.

Мотивированные потенциальности ореола существенным образом отличаются от логических и фантазийных потенциальностей именно своей связью

¹⁰ Джиан даёт точное определение ореола: «Кинестетическая система возможных мотивированных явлений в актуальной и прошедшей системе, реально возможных в единстве опыта реального мира». « Un système kinesthésique d'apparitions possibles motivées dans le système actuel et passé, réellement possibles dans l'unité de l'expérience d'un monde réel » (Djian, 2021, 94).

с сознанием согласованности опыта «реального мира» — нечто обретает свою возможность именно в связи с чем-то действительным или достоверным. Логическая потенциальность «вырвана» из действительного опыта, она сводится просто к закону противоречия, поэтому она (как и фантазия) будет шире и менее определённой, чем мотивированная — возможно всё, что не является А и не-А одновременно в одном и том же смысле. Вместе с тем логические законы характеризуются необходимостью, в то время как мотивация напрямую сопряжена со свободой субъекта (мотивированная потенциальность неотделима от способности «я могу» и тела как «органа воли»¹¹ (Djian, 2021, 94)), а также с возможностью ошибки и случайности. Потенциальность встречи с какой-то деталью интерьера моей комнаты мотивирована типизацией опыта моей комнаты, это не чистая логическая возможность и не возможность воображаемая. Но, хотя эта привычка укоренена в «реальном» опыте, она никогда не может исключить ошибку или иллюзию (Djian, 2021, 103). «Мир как горизонт», базовая интуиция надёжности опыта, доверие¹² по отношению к миру, то, что позволяет определять бытие или не-бытие отдельных предметов (или валидность опыта) находит свой фундамент именно в работе ореола (Djian, 2021, 104).

В итоге «не собственно данное» в любом феномене внешнего восприятия, а также «ореол» выявляют то, что действительность вещей и мира не может быть дана в полной мере адекватно, не может быть усмотрена с очевидностью (Djian, 2021, 99–100). И это составляет принципиальную часть «критики разума», предпринятой в «Идее феноменологии».

Чтобы подчеркнуть важность анализа ореола и не собственно данного, мы оставим анализ Джиана, чтобы обратиться к другим генеалогическим исследованиям горизонта. В них мы видим, что другие исследователи по-другому расставляют акценты в истории этого понятия. К примеру, важная для большинства исследователей горизонта тема «мотивации» раскрывается у них в совсем ином ключе, нежели у Джиана.

Хотя само понятие «горизонт» Гуссерль начинает регулярно использовать примерно с 1905 года (Yoshimi, 2016, 36, 53), большинство исследователей предлагает начинать отсчёт его истории с «Идей I» 1913 года. Расхождение между ними касается скорее того, в свете какой темы из более ранней философии Гуссерля стоит рассматривать этот феномен. Саулюс Генюшас и Михаил Белоусов находят самые ранние мотивы, относящиеся к теме горизонтного опыта, ещё

¹¹ Хотя подробная проработка «я могу» произойдёт только в «Идеях II», в курсе «Вещь и пространство» мы можем найти весьма схожую тематику (Husserl, 1973, 262–263, 341–342).

¹² О доверии «в мире» или «к миру» см. (Fazakas & Gozé, 2020, 171–173).

в «Логических исследованиях». Однако Белоусов полагает, что Гуссерль подробно прорабатывает эту тематику уже в «Идее феноменологии» в свете проблемы «со-данности», а не в «Идеях I», как утверждает Генюшас. «Со-данное» составляет трансцендентное в акте, выходит за рамки очевидности в строгом смысле (Belousov, 2021, 73–74, 76–77). На наш взгляд, корректность такого подхода находит своё подтверждение даже в совпадении тезауруса этой тематики и разделов о горизонтном сознании «Картезианских медитаций»: «за-пределами-себя-подразумевание» (*über sich hinaus Meinens*), которое изначально свойственно каждому феномену¹³, в «Идее феноменологии» отвечает одновременно как за полагание чего-то в качестве сущего (*als seiend setzen*) (Husserl, 2018, 107), так и за остальные формы выходящего за пределы имманентного, что как раз весьма близко к пониманию «не собственно данного», о котором писал Джиан (Husserl, 2018, 224–225, 241–242, 247–249, 269–271). На основании лекционного курса зимнего семестра 1902–1903 гг. «Общая теория познания» Михаил Белоусов описывает феномен «со-подразумевания», который в «естественных» условиях расширяет акт в сторону актуально не данного: «в единстве с актуально воспринимаемой во внешнем восприятии стороной предмета “со-подразумевается” его не воспринимаемая сторона» (Belousov, 2015, 178–184). Равным образом и в «Картезианских медитациях» «со-подразумевание» вместе с «за-пределами-себя-подразумеванием» характеризуют сознание потенциальностей в феномене горизонта (Husserl, 2010, 62–63, 67–70). Таким образом, Михаил Белоусов утверждает, что феномен «со-данного» описывается в «Идее феноменологии» в том же значении, в каком в более поздних работах Гуссерля будет описываться феномен горизонта (Belousov, 2021, 76). Также в своём анализе он даёт основания полагать, что горизонтная проблематика встречается уже в 1902–1903 гг., хотя и не проговаривает этого эксплицитно.

Джиан тоже не забывает о темах осуществлении и очевидности. Он показывает, что не собственно данное в феномене, горизонт вещи, делает невозможной очевидность в строгом смысле, когда мы говорим о внешнем восприятии. Созерцание одной стороны лишь частично осуществляет интенцию, оставляя каждый раз нечто скрытым и смутным (Djian, 2021, 98–100). Однако если эту мысль действительно можно найти и в более ранних текстах Гуссерля, то «Вещь и пространство» обнаруживает свою исключительную новизну в следующем: неадекватная очевидность внешнего восприятия позволяет усомнить-

¹³ «Отнесение-себя-к-трансцендентному, [которое есть] подразумевание этим или любым другим способом, является все же внутренним характером феномена» (Husserl, 2018, 242).

ся в реальности как таковой, поставить под сомнение сам мир, выступающий одновременно фоном и гарантом любого «естественного» опыта (Djian, 2021, 100–102). Причём, уничтожение мира означает утрату согласованности опыта, к которой в нормальном состоянии должны сводиться все противоречия (например, иллюзии и галлюцинации) (Djian, 2021, 100–102). И вот сама тематизация описанного становится возможной в свете сознания потенциальностей и эмпирической мотивации, которые непосредственно относятся к феномену ореола — «задний план» опыта единичных вещей, их гарант и фон конституируется в согласованном синтезе актуального и потенциального восприятия. В этой проблематике начинает впервые проявляться онтологическая роль горизонта (Djian, 2021, 102–104).

Схожий мотив мы находим и в предшествующей литературе. Например, Донн Велтон также описывает телеологическую функцию горизонта в связи с неполнотой внешнего восприятия, в системе мотивированных потенциальностей перцепции, однако делает он это на основе более позднего материала и возводит эту черту горизонтного сознания к «Идеям I» (Welton, 1983, 200, 235, 246–248). Также можно обратить внимание на анализ Д. В. Смита и Р. Макинтайра в книге 1982 года, где в контексте проблем семантики они представили горизонтный анализ в качестве того, что выявляет нечто выходящее за рамки смысла акта — даже в случае опыта одного и того же объекта, который предписывается тождественным смыслом, в актах может различаться набор имплицитных «фоновых» убеждений (*beliefs*) и знаний субъекта, которые по-разному определяют одни и те же объекты, а также связанные с ними потенциальности опыта (Smith & McIntyre, 1982, 227–229). Как и Джиан, Смит и Макинтайр отталкиваются от принципиальной незавершённости опыта вещей в восприятии, которая компенсируется уникально определённым горизонтом потенциальностей, открытых для дальнейшего раскрытия (Smith & McIntyre, 1982, 229, 231–232, 240). Однако они делают акцент на «личностном» вкладе ego — горизонт показывает то, что интенция не анонимна, но всегда находит свои имплицитные определения в фоновых убеждениях субъекта (Smith & McIntyre, 1982, 225, 247–248). Как результат, они предложили оригинальную трактовку горизонта как набора возможных ситуаций или миров, совместимых в представлении субъекта с наличным положением дел (Smith & McIntyre, 1982, 241). «Возможные миры» основываются на базовых представлениях субъекта о предметах того или иного типа (к примеру, пред-понимании стиля материальных предметов) (Smith & McIntyre, 1982, 249–253, 275) и на привычках и ассоциациях, включённых в опыт индивидуальных вещей. Поскольку горизонт

не сводится к перцептивной стороне предметов, а включает также, к примеру, духовные предикаты, «возможные миры» — это не просто стороны предмета, которые можно увидеть, но возможные акты разного типа, совместимые с определённым смыслом акта (Smith & McIntyre, 1982, 243–245 270–275). Однако «убеждения», что формируют горизонт характеризуются тем, что с определённым объектом, ноэмой, совместимы разные положения дел, к примеру, выходя на лестничную клетку, я ожидаю встретить там своего соседа, а не экзотическое животное. Внимание Джиана приковано также к тому, что можно языком Мерло-Понти назвать «перцептивной верой», которая находится в соединении не только с тем или иным положением дел, но с в целом адекватно и гармонично протекающим опытом¹⁴. Также, как показывает в своей статье 2017 года Филипп Уолш, Смит и Макинтайр склонны рассматривать горизонт в качестве выходящего за рамки феноменального (Walsh, 2017, 7–11). Горизонт оказывается «по ту сторону» от феноменов, играя роль их внутренней структуры. И хотя такой подход нельзя свести к линии «герменевтической феноменологии» с её «феноменами *par excellence*», вероятно, для Джиана он также был бы сужением гуссерлевского понимания феноменов в смысле феноменологии. К тому же, хотя Джиан в некоторых случаях и называет (вслед за Гуссерлем) горизонт скрытым, он также показывает на материале «Вещи и пространства», что «не собственно данное» является частью восприятия. Причём, аналогично с Уолшем (Walsh, 2017, 19–21), он обращается в этом месте к сознанию времени, раскрывая горизонт в его функции временного синтеза (Djian, 2021, 77–81). На основе более позднего материала, из «Идей I», Джиан показывает, что горизонт включает в себя не только потенциальности опыта, но и задний план внимания, «видимый» (как физическим, так и «духовным» взором), но не осуществлённый *ego* (Djian, 2021, 119–120). В связи с этим, можем предположить, что для Джиана горизонт входит в состав феномена, причем не только как его «внутренняя структура», но также и как «не собственно данная сторона», которую мы видим неадекватно, но всё же видим, или как не схваченный фон, не попадающий в поле внимания.

Также линия Джиана во многих отношениях похожа на анализ Ласло Тенгели, который в «Опыте и выражении» также высказывает мысль, что «Вещь и пространство» занимает особое место в истории понятия горизонта. В частности, именно в этом курсе Гуссерль эксплицитно прорабатывает кри-

¹⁴ Смит и Макинтайр обращают внимание на гармоничное течение опыта, однако их внимание приковано в первую очередь к синтезу идентификации предметов, к разным формам осуществления одного и того же смысла (Smith & McIntyre, 1982, 260–261).

тику той позиции, которая рассматривает вещи как уже готовые, доступные (*vorliegende*) единства, которые наполняют мир как некий контейнер — опыт вещи всегда включает незавершённость, открытый спектр потенциальностей (Tengelyi, 2007, 56–58). Причём, даже бесконечное созерцание сменяющихся обликов вещи, попытка воспринять её «со всех сторон» не позволило бы достичь полной, абсолютной данности (Tengelyi, 2007, 82–83). Тенгели (как и Джиан) указывает на то, что в этих лекциях Гуссерль прорабатывает телеологию горизонтного сознания вещи. В опыте внешнего восприятия поток сменяющихся оттенков (*Abschattung*) одной и той же вещи протекает в согласии с правилом исполнения значения, которое задаётся самой вещью (Tengelyi, 2007, 58–59). Таким образом, анализ Тенгели высвечивает несовершенство, неполноту восприятия вещи, которая в некотором смысле завершается благодаря сознанию горизонта, однако описанный в «Вещи и пространстве» аспект мотивированных потенциальностей, укоренённости горизонта в актуальном телесном опыте, остаётся у Тенгели без подробной проработки.

Наибольшую остроту приобретает работа Джиана в тех местах, где он вступает в полемику с Саулюсом Генюшасом. Генюшас считает, что благодаря горизонту трансцендентные предметы сознаются как всегда только лишь явления, как незавершённые, не адекватно данные сущности — в каждом опыте вещи со-подразумеваются другие формы данности этой вещи, вещь сознаётся как одно явление из бесконечного ряда явлений того же самого (Geniusas, 2012, 50). Благодаря этому субъект обретает понимание того, что опыт любых явлений всегда содержит в себе «пределы» (*limits*): «Я знаю явление в качестве явления исключительно потому, что оно дано мне в контексте других форм (*modes*) данности. Сознание пересекает пределы явления путём со-подразумевания (*co-intending*) горизонтов иных форм данности объекта» (Geniusas, 2012, 50)¹⁵. Дальше Генюшас обращается к примеру с математиком, который рассуждает о числах, сидя в кафе¹⁶. В нём обстановка кафе, кружка с кофе и другие посетители не будут горизонтом чисел, но будут лишь их задним планом. Генюшас пишет, что Гуссерль не даёт подробного описания различия между ними, и предлагает собственную интерпретацию: горизонт имеет определяющее значение для интендируемого объекта — другие со-данные числа и иные математические объекты необходимо определяют те числа, о которых математик актуально рассуждает.

¹⁵ “I know an appearance as an appearance only because it is given to me in the context of other modes of givenness. Consciousness transcends the limits of appearance by way of co-intending the horizons of the object’s other modes of givenness” (Geniusas, 2012, 50).

¹⁶ У Гуссерля этот пример чуть более минималистичен (Husserl, 2009, 53–54).

В это же время кафе и весь пред-данный мир, который всё так же сохраняет свой статус существующего, полностью случайны по отношению к числам, они не добавляют ничего к интендируемым математическим объектам (Geniusas, 2012, 50–52). Не мир естественной установки, а собственный «арифметический мир» будет горизонтом в этом акте (Geniusas, 2012, 57). Генюшас выдвигает гипотезу, что горизонт следует относить к трансцендентальным явлениям, а ореол и задний план к психологическим. Горизонты в этом случае стоит считать объективными — «...они не просто указывают на способ, которая любая объективность может быть заключена в случайный контекст манифестации, но, скорее, указывают на те измерения смысла, без которых конкретная объективность не могла бы быть объективностью» (Geniusas, 2012, 52)¹⁷. Иными словами, горизонт имеет отношение к трансцендентальной, а не мирской, психологической субъективности (Geniusas, 2012, 53)¹⁸ и полагает пределы объектов, которые играют принципиальную роль для их понимания (Geniusas, 2012, 50).

Джиан принципиально не соглашается с анализом Генюшаса — на его взгляд, Гуссерль весьма эксплицитно проговаривает различие между горизонтом и задним планом, что делает излишней интерпретацию Генюшаса, в которой он вчитывает мотив «пределов», характерный для «герменевтической феноменологии», а не для проекта Гуссерля (Djian, 2021, 122). В диссертации Джиан заявляет, что прочная связка горизонта с пределами встречается в «Истине и методе», где он находит мотив, напоминающий интерпретацию Генюшаса — ограниченный своей герменевтической ситуацией, субъект благодаря расширению горизонта выходит за пределы своего «ближайшего» (например, своего времени) и начинает оценивать предметы относительно других предметов расширяющегося горизонта (Djian, 2017, 155). Этот мотив познания пределов в их преодолении находится в тесной связи с проблемой понимания и особым образом понятого «бытия», которое, пишет Джиан, выступает у Гадамера как частный случай «феномена *par excellence*»: (Djian, 2017, 149, 158).

Выступая против отделения «заднего плана» от «горизонта», Джиан указывает на то, что Гуссерль обозначает понятием «заднего плана» не осуществлённую его часть восприятия, которая в свободном движении взгляда может стать актуализированной. В этом случае речь идёт о работе внимания его. Од-

¹⁷ “...they do not just bespeak the manner in which any objectivity could be wrapped in an arbitrary context of manifestation, but rather point to those dimensions of sense without which a particular objectivity could no longer be an objectivity” (Geniusas, 2012, 52).

¹⁸ “...the horizons are relative not in regard to mundane subjectivity, but rather in regard to transcendental subjectivity” (Geniusas, 2012, 53).

нако то, что кофе не является горизонтом арифметического мира означает, что чашка кофе не может встретиться в арифметическом мире и, наоборот, математические объекты не могут встретиться в материальном мире — они не принадлежат согласованному целому единого мира. Их не связывает ничего, кроме ego, которое может переключать своё внимание между одним миром и другим (Djian, 2021, 123–125). Джиан выстраивает свою аргументацию таким образом, чтобы показать, что различие между горизонтом и задним планом скорее функциональное, чем сущностное — это не два разных феномена, скорее можно говорить о том, что горизонт проявляет себя в том числе как задний план, ореол и не собственно данное. В частности, именно на «заднем плане» располагается согласованное единство мира достоверных предметов, по отношению к которому определяется бытие или не-бытие отдельных вещей. Иными словами, «мир как горизонт» напрямую связан с проблематикой «заднего плана» (Djian, 2021, 104). Анализ «пределов» Генюшаса не позволяет в полной мере раскрыть онтологическую функцию горизонта — отношения взаимного определения, которые присутствуют в «математическом мире», в разговоре о мире как почве любого опыта характеризуют лишь очень узкую деталь картины. На наш взгляд, когда Генюшас переводит горизонт в категорию «объективных» феноменов, а задний план в противоположность ему — «субъективных» и «психологических», он тем самым упускает компонент свободной ориентации и действия в поле мотивированных потенциальностей, о которых пишет Джиан. Как и в случае работы Смита и Макинтайра, описание согласованности опыта остаётся у Генюшаса на семантическом уровне и игнорирует вклад «органа воли» на до-предикативном уровне.

Вместе с исследовательской новизной работа Джиана несёт в себе значительный полемический заряд. Критика Саулюса Генюшаса принимает столь радикальную форму, что её вполне можно считать вызовом проекту последнего. Однако полную картину расхождения Джиана с Генюшасом можно увидеть именно в диссертации 2017 года. Лишённая важной части, книга в некоторых отношениях кажется незавершённой, а сила полемических выпадов теряется — учитывая, что часть аргументов Джиана строится на тонком различии между проектом Гуссерля и «герменевтической феноменологией», мы можем предположить, что читателю будет сложно понять все линии расхождения Джиана с предшествующей исследовательской традицией без знакомства с моделью «герменевтической феноменологии». Вероятно, сам Джиан мог бы согласиться с тем, что книга кажется незавершённой — в заключении он пишет, что понять полное значение понятия «горизонт» для феноменологии можно только благо-

даря широкому исследованию «горизонтов» в проектах разных философов — так, чтобы понимание горизонта руководилось пониманием того, что значит «феномен» для Хайдеггера, Гадамера, Левинаса и других феноменологов (Djian, 2021, 278–279). В целом, можно надеяться на то, что книга «Гуссерль и горизонт как проблема» даст начало новым дискуссиям в исследовательском поле, а сама она приобретёт законченный вид в будущем соединении с той частью исследования Джиана, которая не попала в неё.

REFERENCES

- Belousov, M. (2021). On the Question of Evidence in Husserl's Phenomenology: The Given and the Horizon. *Filosofskii zhurnal*, 14 (2), 66–81. (In Russian)
- Belousov, M. (2015). On the Problem of Meaning in Husserl's Phenomenology: The Concept of Final Fulfillment in Husserl's Phenomenology. *Ezhegodnik po fenomenologicheskoi filosofii*, 4, 165–204. Moscow: RGGU Publ. (In Russian)
- Biemel, W. (2018). *W. Biemel's Introduction to the Second Volume of "Husserliana"*. Rus. Ed. St Petersburg: Gumanitarnaja Akademija Publ. (In Russian)
- Djian, A., & Majolino, C. (2018). What 'Phenomenon' for Hermeneutics? Remarks on the Hermeneutical Vocation of Phenomenology. In Paul Fairfield & Saulius Geniusas (Eds.), *Hermeneutics and Phenomenology: Figures and Themes* (48–64). London, Oxford, NY: Bloomsbury.
- Djian, A. (2017). *L'horizon comme problème. Contribution à une histoire plurielle de la phénoménologie*. Lille: Université Charles de Gaulle — Lille III.
- Djian, A. (2021). *Husserl et l'horizon comme problème — Une contribution à l'histoire de la phénoménologie*. Lille: Presses universitaires du Septentrion.
- Fazakas, I., & Gozè, T. (2020). The Promise of the World: Towards a Transcendental History of Trust. *Husserl Studies*, 36 (2), 169–189. <https://doi.org/10.1007/s10743-020-09264-9>
- Geniusas, S. (2012). *The Origins of the Horizon in Husserl's Phenomenology*. Dordrecht: Springer.
- Hopp, W. (2010). How to Think about Nonconceptual Content. *The New Yearbook for Phenomenology and Phenomenological Philosophy*, X (1), 1–24.
- Husserl, E. (1952). *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch: Phänomenologische Untersuchungen zur Konstitution* (Hua IV). The Hague: Martinus Nijhoff.
- Husserl, E. (1973). *Ding und Raum* (Hua XVI). The Hague: Martinus Nijhoff.
- Husserl, E. (1974). *Formale und Transzendente Logik: Versuch einer Kritik der logischen Vernunft* (Hua XVII). Den Haag: Martinus Nijhoff.
- Husserl, E. (2009). *Ideas Pertaining to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Vol. I*. Rus. Ed. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Husserl, E. (2010). *Cartesian Meditations*. Rus. Ed. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Husserl, E. (2018). *The Idea of Phenomenology. Five Lectures*. Rus. Ed. St Petersburg: Gumanitarnaja Akademija Publ. (In Russian)
- Heidegger, M. (2003). *Being and Time*. Rus. Ed. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ. (In Russian)
- Kuhn, H. (2013). The Phenomenological Concept of "Horizon". In *Philosophical Essays in Memory of Edmund Husserl* (106–123). Harvard University Press.
- Smith, D. W., & McIntyre, R. (1982). *Husserl and Intentionality: A Study of Mind, Meaning, and Language*. Dordrecht: Springer.

- Tengelyi, L. (2007). *Erfahrung und Ausdruck. Phänomenologie im Umbruch bei Husserl und seinen Nachfolgern*. Dordrecht: Springer.
- Tengelyi, L. (2012). New Phenomenology in France. *The Southern Journal of Philosophy*, 50, 295–303. <https://doi.org/10.1111/j.2041-6962.2012.00100.x>
- Walsh, P.J. (2017). Motivation and Horizon: Phenomenal Intentionality in Husserl. *Grazer Philosophische Studien*, 94 (3), 410–435. <https://doi.org/10.1163/18756735-09403007>
- Welton, D. (1983). *The Origins of Meaning: A Critical Study of the Thresholds of Husserlian Phenomenology*. Boston: Kluwer.
- Yampolskaya, A. (2013). *Phenomenology in Germany and France: Problems of the Method*. Rus. Ed. Moscow: RGGU Publ. (In Russian)
- Yoshimi, J. (2016). *Husserlian Phenomenology: A Unifying Interpretation*. Berlin: Springer. <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-26698-5>